

У ИСТОКОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В РОССИИ, ИЛИ КАК ПОЯВИЛСЯ РУССКИЙ ТЕРМИН «ВЕРДИКТ»

К. И. Таунзенд

Московский государственный лингвистический университет

Поступила в редакцию 27 ноября 2017 г.

Аннотация: английское сочинение знаменитого юриста и правоведа Уильяма Блэкстона “*Commentaries on the Laws of England*” было впервые переведено на русский язык при Екатерине II, однако перевод до сих пор не введен в научный оборот языкознания и теории перевода. Стратегия подбора переводческих соответствий в сфере юридической лексики рассматривается на материале данного русского перевода XVIII в. Доминирование окказиональных соответствий над устойчивыми объясняется этапом становления русского литературного языка. В то время как преобладание калькирования среди них обусловлено идеей *translatio studii* или заимствования знания, господствовавшей в мировоззрении и культуре России XVIII в. Русское заимствование «вердикт», впервые зафиксированное словарем именно в данном переводе, является одним из множества подобных примеров и наглядно демонстрирует, как русские переводчики екатерининской эпохи пополняли словарный состав родного языка и расширяли его понятийную сферу в области права.

Ключевые слова: история перевода, юридическая терминология, переводческие соответствия, XVIII век.

Abstract: the book by a famous British lawyer and professor of law William Blackstone “*Commentaries on the Laws of England*” was first translated into Russian in the reign of Catherine the Great, but the translation has not yet been studied by linguistics or translation theory. The strategy of choosing correspondences in the sphere of legal terminology is analyzed on the material of this Russian text of the 18th century. The prevalence of occasional correspondences over the regular ones is explained by the stage of the Russian literary language development. While the predominance of loan translation among them can be accounted for by the idea of ‘*translatio studii*’, the adoption of knowledge, which was widespread in the Russian culture in the 18th century. The Russian borrowing ‘*verdict*’, which was first registered by the dictionary in this particular translation, can serve as an example to show how Russian translators of the time enlarged the vocabulary of the language and broadened its conceptual sphere of legal terminology.

Key words: history of translation, legal terminology, translation correspondences, 18th century.

С историей переводческого дела в России XVIII в. традиционно связывают бурное развитие специальных переводов в области математики, архитектуры, астрономии, навигации и военного дела, начавшееся при Петре I. Однако современные исследования объективно показывают, что переводы научной прозы в области гуманитарного знания имели не меньшее значение и получили в этот период столь же обширное распространение. «Переводная литература первой трети XVIII в. вовсе не состояла из одних книг утилитарного, прикладного характера; значительную часть ее составляли книги по теории и истории государства и права, всеобщей и европейской древней и новой истории», которые «самым активным образом использовались при создании отечественного варианта теории абсолютистского государства» [1, с. 112]. В эпоху Екатерины II переводам книг по гуманитарным наукам уделялось особое внимание. Описывая

сферу читательских интересов императрицы, исследователь истории Эрмитажной библиотеки в XVIII в. С. В. Королев отмечает, что наряду с зарубежной драматургией и трудами архитекторов и гражданских инженеров в собрании иностранных книг Екатерины II имелся «обширный комплекс разноязычных <...> документов государственного и гражданского права; последние должны были легализовать ее планы реформирования политической системы России» [2, с. 6]. Так, в круг чтения с середины 1740-х до начала 1760-х гг. тогда еще великой княгини Екатерины Алексеевны входило сочинение Монтескье «О духе законов», к которому «Екатерина вернулась в середине 1760-х, когда работала над своим «Наказом» для Уложенной комиссии 1767 г.; полагают, что ключевые параграфы этого важнейшего для развития отечественного права документа во многом заимствованы из конкретного издания» [там же, с. 44]. В монографии С. В. Королева приводится изображение и описание французского издания американской Кон-

ституции, вышедшего в 1783 г. и входившего в Императорскую Эрмитажную иностранную библиотеку, заложённую Екатериной II. Таким образом, разноязычные сочинения и их переводы по теории и истории права составляли немаловажную часть специальной литературы на протяжении всего XVIII в. и оставили заметный след как в отечественной истории, так и в истории перевода в России.

В этом контексте чрезвычайный интерес для исследования представляет выполненный С. Е. Десницким при участии А. М. Брянцева перевод с английского подлинника под названием «Истолкования английских законов г. Блэкстона, переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской», вышедший в трех книгах в Университетской типографии у Н. Новикова в 1780–1782 гг. [3]. Этот перевод всемирно известного сочинения Уильяма Блэкстона «Commentaries on the Laws of England» до сих пор не получил научно-критического описания и, как следствие, не введен в научный оборот языкознания и переводоведения.

Данная работа имеет целью отчасти восполнить этот пробел, затрагивая тему формирования русской юридической лексики под влиянием перевода.

При изучении любого акта межкультурной коммуникации первый вопрос, на который предстоит ответить исследователю, – это вопрос об исходных параметрах переводческой ситуации: об авторе и самом оригинале. Уильям Блэкстон (William Blackstone) (10 июля 1723 – 14 февраля 1780) – английский юрист, правовед, профессор Оксфордского университета – вошел в историю как автор четырехтомного труда «Commentaries on the Laws of England», впервые изданного в 1765–1769 гг. и выдержавшего несколько переизданий [4]. Это сочинение представляет собой самое известное описание основных положений английского права и составляет основу курсов правоведения в университетах Великобритании и США. Блэкстон был первым в истории, кто начал читать лекции по английскому праву в Оксфорде в 1753 г. Его книга – полный курс этих лекций, написанный ясным и понятным языком и представляющий английские законы во всей совокупности и взаимозависимости как единую логическую систему, отражающую плоды Просвещения в XVIII столетии [5]. Четыре тома этого труда посвящены соответственно: 1) правам физических и юридических лиц; 2) правам собственности; 3) нарушениям законных прав и интересов частных лиц; 4) нарушениям общественных прав и интересов.

Современники Блэкстона стали критиковать эту внушительную работу в конце жизни автора и после его смерти не столько по существу, сколько по отдельным аспектам, а именно за отказ от идеи реформиро-

вания системы английского права. Но целью автора было объяснение и описание этой системы, и благодаря точности и полноте этого описания его работа «была весьма полезна тем, кто желал реформировать систему»¹ [5, с. 264]. И хотя правоведы последующих веков усматривают в труде Блэкстона неверное толкование терминов римского права и юридически неточное понимание понятия «справедливость», отсутствие четкого принципа разграничения между нарушениями законных прав и интересов частных лиц, с одной стороны, и нарушениями общественных прав и интересов – с другой, все же следует подчеркнуть, что такая полнота, полезность (если не научность), убедительность и ясность изложения заслуживают признания [там же]. В XIX в. слава Блэкстона распространилась за океаном в США и зазвучала даже громче, чем в это же время у него на родине. «Книга, которая в Старом Свете была учебником, стала в Новом Свете оракулом права» [там же, с. 264]. В итоге исследователи и критики единодушны во мнении, что литературные достоинства сочинения во многом превосходят ценность его как юридического трактата, за которым, впрочем, навсегда закрепилась слава первого произведения такого рода в истории Англии.

Русский текст книги Блэкстона представляет собой перевод только первого тома этого произведения, который содержит философское введение в четырех частях, названное переводчиком «предисловным рассуждением о законоучении, о существе законов вообще, о законах Английских и об областях ими управляемых» [3], а также 18 глав описания и объяснения прав физических и юридических лиц. Хотя русский перевод не имеет ни своего предисловия, ни посвящения, ни даже подписей переводчиков, чьи имена были установлены по библиографическим источникам [6], нетрудно понять, почему три других тома английского оригинала не были переведены на русский язык. Очевидно, что русский перевод, выполненный по высочайшему повелению Екатерины II, носил просветительский и энциклопедический характер, привнося на русскую почву знания не только о правах и свободах английских подданных, но и о том, что в мире впервые появилось полное описание правовой системы европейского государства. Исходя из такой мотивации к созданию перевода, становится понятно, почему сведения о правах собственности и о различных видах нарушений прав и интересов государства или частных лиц в Англии были нерелевантны для выполнения просветительской функции перевода, и, как следствие, эти тома оригинала не переводились на русский язык. Тем не менее для современной науки о переводе этот русский текст,

¹ Здесь и далее перевод наш. – К.Т.

составленный С. Е. Десницким и А. М. Брянцевым, представляет богатейший источник весьма интересных данных о стратегии русских переводчиков XVIII в. в передаче реалий и культурно-специфической информации, о мировоззрении и взглядах самого переводчика, отраженных в его примечаниях и оценочной лексике в тексте, о стилистических искажениях и испытании ресурсов национального языка в переводе. Бесспорно, спектр всех перечисленных тем невозможно охватить в одной статье, поэтому мы посвятим настоящее изложение вопросам подбора переводческого соответствия в области юридической лексики на этапе формирования русского литературного языка.

Анализ стратегии выбора русским переводчиком XVIII в. соответствия в указанной сфере потребовал не только сбора методом сплошной выборки единиц юридической лексики, но также разделения их на смысловые группы, чтобы принять во внимание зависимость типа переводческого соответствия от принадлежности к той или иной семантической группе. Взяв вначале юридические термины и термины – реалии английского оригинала, мы выделили в них следующие тематические группы.

Названия видов права, свобод, сводов законов и отдельных законодательных актов.

I. Суды и элементы судопроизводства.

II. Законодательные органы и должностные лица, связанные с ними.

III. Предусмотренные законом действия физических и юридических лиц.

IV. Главное, что объединяет переводческие соответствия юридических терминов всех указанных групп, – это крайне малое количество устойчивых соответствий и очевидное преобладание окказиональных, что свидетельствует о недостаточности ресурсов языка перевода в сфере юридической терминологии. Эти редкие устойчивые соответствия встречаются в основном в области Римского права, например: *the civil or imperial law* / Римское право (законоучение); *rescripts of the Roman emperors* / рескрипты Римских императоров; *the edicts of the praetor* / эдикты преторские. Выражение *the municipal laws*, обозначающее внутрисударственное право [7], имеет в русском переводе XVIII в. устойчивое соответствие *отечественное право* исходя из контекста, так как автор оригинала описывает правовую систему только своей страны. Принадлежность устойчивых соответствий к области истории права объясняется сложившейся в русской культуре традицией изучения античной истории, чтения и перевода латинских авторов, что позволило переводчику прибегнуть к ресурсам родного языка. Другой сферой использования устойчивых соответствий в переводе, сходной с вышеука-

занной, является область церковного права, из которой нам встретились следующие примеры: *the canon laws (the ecclesiastical or pontifical laws)* / каноническое (церковное папешское) право, папешский духовный закон; *simony (simoniacal contracts)* / симония (симонические договоры). Здесь, так же как и в случае с историей Римского права, источником устойчивых соответствий в переводе послужили различные и многочисленные переводные греческие и латинские религиозные тексты, появившиеся в России в течение нескольких столетий до возникновения данного сочинения. Но подчеркнем еще раз, что мы привели здесь все устойчивые соответствия, встретившиеся нам в русском переводе XVIII в., из более чем 120 единиц юридической лексики.

Большинство же терминов и терминов-реалий оригинала имеют окказиональные соответствия. Они представляют собой весь спектр переводческих решений такого рода: заимствования, кальки, функциональные аналоги и описания. Однако преобладание тех или других из них зависит от тематической сферы. Так, в первой и третьей группах, указанных выше, чаще всего встречаются окказиональные соответствия-заимствования и соответствия-кальки, а во второй и четвертой – на первый план выходят соответствия-аналоги. Объяснение этому заключается в том, что английские названия прав, свобод, законов, законодательных органов и должностных лиц относятся в большей степени к культурно-специфическим пластам лексики и представлены терминами-реалиями в значительной мере, что потребовало от русского переводчика XVIII в. заимствования и калькирования в данном контексте. Проиллюстрируем это примерами (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Окказиональные заимствования и кальки

<i>the statute book</i>	статуты Английских книга
<i>jus commune or folk right</i>	право общее, поаглински Фолк Райт
<i>gavelkind</i>	Гевель-Кяйнд
<i>a deed of feoffment</i>	Фифмент
<i>the habeas corpus act</i>	Гавеас корпус
<i>the general assise or assembly</i>	государственное заседание, генеральная Ассиса
<i>micel-synoth or great council</i>	Мичель Сайнотх, т. е. вер- ховный совет
<i>constables</i>	констабели
<i>a high constable or bailiff</i>	великий констабель
<i>the Lord-keeper</i>	Лорд Кунер

Многие из этих и других заимствований поясняются переводчиком в постраничных примечаниях, если сами понятия не объясняются непосредственно в английском тексте. Следует также отметить, что большинство заимствований привнесено в перевод

методом прямого переноса слов на латинице и обычно сопровождается калькированием, при этом исходная единица может быть не только английской, но и латинской или французской. Все подобные заимствования и кальки являлись терминами-реалиями в XVIII в. и принадлежат к обозначенным первой и третьей семантическим группам (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Прямой графический перенос в текст перевода

<i>magna carta</i>	великая грамота, называемая по-латински <i>magna carta</i> или великая карта
<i>the book called regiam majestatem</i>	книга, называемая Царским Величеством [<i>Regia Majestas</i>]
<i>the charter of the forest</i>	грамота, так называемая лесная
<i>the petition of right</i>	прошение на право
<i>the speaker of the house of commons</i>	глаголатель парламентский, <i>Speaker</i> , <i>Спикер</i>

На наш взгляд, подобная практика прямого переноса иноязычного слова и его одновременного калькирования объясняется этапом становления русского литературного языка в XVIII в., когда переводчик словно испытывал возможности родного языка, пытаясь вылепить из него слово по иностранной модели и предлагая читателям сравнить его творение с исходным образцом, чтобы оценить, насколько хорошо это получилось. Русский переводчик второй половины XVIII в. нередко выступал как «копиист, старающийся воссоздать в копии особенности и колорит оригинала» [1, с. 122].

Функциональные аналоги, как мы уже сказали, превалируют в семантических сферах, связанных с названиями судов и элементов судопроизводства, а также предусмотренных законом действий физических и юридических лиц. Принадлежность соответствий-аналогов к данным семантическим полям объясняется развитостью лексической системы языка перевода в этих областях, с одной стороны, и стремлением русского переводчика XVIII в. уподобить факты иной культуры аналогичным явлениям общественной жизни в России – с другой. Такое сопоставление ресурсов двух языков и поиск параллелей в переводе неизбежно приводил к расширению набора устойчивых соответствий в сфере юридической терминологии в эпоху становления национального литературного языка. В связи с этим нельзя не отметить, сколь важен труд на благо Отечества русских переводчиков XVIII в.

Обратимся теперь к конкретным примерам функциональных аналогов в переводе (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Окказиональные соответствия-аналоги

<i>the courts of Justice</i>	Юстиция / судище или присутственное место
<i>the magistrate</i>	судопроизводители
<i>a civil suit</i>	тяжебное или судное дело
<i>proceedings</i>	судопроизводства
<i>vexatious prosecutions</i>	убыточные и разорительные тяжбы
<i>a plaintiff or defendant</i>	челобитчик или ответчик
<i>an irrevocable sentence</i>	приговор, не перевершиваемый ни по какой апелляции
<i>a conveyance / conveyancing</i>	отчуждение (вотчин)
<i>last wills and testaments</i>	завещания
<i>advowson</i>	руга

В других тематических группах терминов окказиональные соответствия-аналоги встречаются в малом количестве, однако во всех вышеперечисленных семантических сферах русский переводчик использует комбинированный подход, сочетая функциональный аналог с заимствованием и/или калькой. Приведем примеры подобной техники в переводе (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Комбинированный подход в переводе

<i>the dome-book or liber judicialis</i>	уложение прав, названное судебником, Дом-Бук поаглински
<i>the courts of equity</i>	судебные места правоты / основанные на правоте, называемые Совестными Судами
<i>justices of peace</i>	блостители мира и спокойствия народного уездные или судьи земские, судьи мира
<i>juries / a juror</i>	джурьи / джурьман или свидетели присяжные судопроизводства
<i>the commons as a distinct assembly</i>	разночинцы по нынешнему называемые нижний парламент [<i>the house of commons</i>]
<i>the sheriff</i>	шериф или воевода провинциальный

Как видим, соответствия-аналоги применяются русским переводчиком для толкования значения английских юридических терминов-реалий, которые при этом заимствуются или калькируются в переводе. Поэтому можно заключить, что такое комбинированное использование функциональных аналогов является частью прагматической адаптации текста, имеющей целью достижение адекватного понимания перевода русским получателем XVIII в.

Окказиональные соответствия-описания встретились в отдельном виде всего в двух случаях: *the*

freedom of speech – вольность, с какою члены в парламенте говорят, спорят и поступают; *a smuggler* – провозник без пошлины товаров. Очевидно, что это примеры безэквивалентной лексики для русского языка того времени, которая передается при помощи описательного перевода. Другие редкие примеры соответствий-описаний встречаются в сочетании с заимствованием или функциональным аналогом: *a bill* – намереваемое законопредложение или билль; *coroners* – корнери или сыщики, имеющие исполнительную и судебную власть. Столь малое количество соответствий-описаний проистекает от неудобства их использования по причине значительного увеличения ими объема переводного текста, что было верно как в XVIII в., так и на современном этапе.

Проанализировав стратегию подбора переводческих соответствий, подчеркнем, что для передачи английских юридических терминов и терминов-реалий русский переводчик XVIII в. применял в основном окказиональные соответствия, большая часть которых в совокупности (независимо от семантической сферы) представляет собой кальки и кальки с заимствованием. Это свидетельствует о том, что в эпоху формирования русского литературного языка перед переводчиками стояла прежде всего задача пополнения словарного состава и расширения понятийной сферы в каждой конкретной области, задача, которую они выполняли, активно прибегая к заимствованию и калькированию в переводе. «Новаторский и престижный характер своей деятельности русские литераторы и переводчики осознали уже в XVII в., когда в оригинальных, а также в переводных сочинениях появляется и надолго закрепляется мотив новизны: «Прежде сего славенским языком никто о том не писал». Литератор сознательно становится человеком, ратующим о пользе Отечества» [1, с. 110].

Помимо собственно терминов, юридическая лексика включает также различные виды устойчивых словоупотреблений, такие как клише, штампы, при передаче которых русский переводчик XVIII в. больше чем в половине случаев калькирует исходные единицы, а в остальных случаях использует функциональные аналоги. Такой подход в переводе юридических клише коррелирует с вышеописанной стратегией подбора соответствий в сфере терминологии и еще раз подтверждает ведущую роль калькирования как средства обогащения юридической лексики русского языка. Вот некоторые примеры (табл. 5).

Передача юридических клише в переводе

<i>to distribute justice</i> <i>legal and effective justice</i>	доставление правосудия законное и действительное правосудие
<i>the law and the fact</i> <i>distinct jurisdiction</i> <i>the king's abdication</i>	закон и дело судимое отделенное правопривлечение королевское
<i>the makers, repealers and interpreters of the English law upon parliamentary intimation</i> <i>to receive and transmit heads</i>	отказательство от короны издатели, отменители и истолкователи Аглинских законов по представлению парламентскому принимать и пропускать статьи
<i>to pay two pence an acre in lieu of tithes</i> <i>to pay a year's improved value for a fine on a copyhold estate</i>	платить по две копейки с десятины попу платить в штраф ежегодную прибыль господину с земли, отдаваемой в кортому, за неустойку в договоре
<i>to grant a tax</i> <i>eschews of lands</i>	определять пошлину вымороженные имения

Первая часть табл. 5 содержит отдельные примеры калькирования устойчивых выражений в области юридической лексики, во второй части приводятся функциональные аналоги русского языка и культуры, использованные для передачи соответствующих понятий английского языка. Здесь надо заметить, что переводчик XVIII в. не всегда действовал последовательно в калькировании единиц юридической лексики, подтверждением этому могут служить разные соответствия-кальки для перевода одного и того же выражения оригинала. Так, английское словосочетание *the parliament's adjournment* передается как *парламентские присутствия* и несколькими страницами позже как *отсрочка парламента*. А выражение *the parliament's prorogation* передается в одном месте как *парламентские отсутствия*, а в другом – как *распушение парламента*, при том, что *the parliament's dissolution* тоже имеет в переводе соответствие *распушение парламента*. Однако данные погрешности не умаляют заслуг русского переводчика XVIII в. по расширению, обогащению, а иногда и созданию юридической лексики своего родного языка.

Таким вкладом можно сегодня считать слово *вердикт*, имеющее в современном русском языке помету «специальное» в значении «решение присяжных заседателей о виновности или невинности

обвиняемого» [8]. Впервые это слово с ударением на первом слоге было заимствовано именно в рассматриваемом переводе в сочетании с функциональным аналогом «приговор», что и зафиксировано в Словаре русского языка XVIII в. [9, с. 38]. Слово «вердикт» пришло в наш язык через перевод следующего отрывка английского оригинала: (*it*) *has thrown more power into the hands of the judges to direct, control and even reverse their verdicts, than perhaps the constitution intended* [4, с. 8]. – ...и увеличил чрез то власть судейскую так, что судьи часто их Вердикт или приговор могут поправлять, оспаривать и обратительным назад делать большие, нежели сколько может быть и самим законоположением им в том дозволяется [3, кн. 1, с. 19–20]. Безусловно, судьба любого заимствования в языке никогда не бывает в руках одного человека и не может быть определена условиями одного контекста. Однако факт первой фиксации слова именно в данном тексте еще раз подчеркивает ту важную роль, которую выполнял перевод в формировании русского литературного языка.

Подводя итоги исследования стратегии русских переводчиков XVIII в. в подборе соответствий в области юридической лексики, считаем необходимым остановиться на причинах их выбора, которые будут неизбежно находиться в плоскости мировоззрения эпохи. Преобладание калькирования в передаче разных групп и слоев юридического пласта словаря, а также значительная доля заимствований переносят их из разряда обычных переводческих приемов в категорию практического воплощения идеи усвоения знаний других народов. Создаваемые по образу и подобию иноязычного образца окказиональные соответствия-заимствования и кальки становились русскими названиями незнакомых прежде явлений, понятий, оттенков, а дать чему-то новому имя озна-

чало овладеть, освоить, приобрести в интеллектуальную собственность. Эта «фундаментальная идея средневековой теории культуры, идея *translatio studii*, переноса знаний, культурных ценностей» [1, с. 109] охватила самые разные области и жанры переводной литературы в России XVIII в. и, как в капле росы, отразилась в переводе юридической терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаев С. И. О стилистической позиции русских переводчиков петровской эпохи (к постановке вопроса) / С. И. Николаев // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. XVIII век. : сб. 15. – Л. : Наука, 1986. – С. 109–122.
2. Королев С. В. Книги Екатерины Великой : очерки по истории Эрмитажной библиотеки в XVIII веке / С. В. Королев ; под ред. П. А. Дружинина. – М. : Труть, 2016. – 216 с.
3. Истолкования аглинских законов г. Блэкстона, переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской. С подлинника аглинского : в 3 кн. – [М.] : Унив. тип. у Н. Новикова, 1780–1782.
4. *Blackstone W. Commentaries on the Laws of England in four books* / W. Blackstone. – Oxford, at the Clarendon Press, 1773.
5. The New Encyclopedia Britannica : in 32 volumes. Vol. 2. – Chicago, 1994. – P. 263–264.
6. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725–1800 гг.) : в 5 т. Т. 1 : А – И. – М. : Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина, 1963.
7. Новый Большой англо-русский словарь : в 3 т. / под ред. Ю. Д. Апресяна, Э. М. Медниковой, А. В. Петровой [и др.]. – М. : Русский язык, 1993.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1990. – 917 с.
9. Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 3: Век – Воздувать. – Л. : Наука, 1987. – 296 с.

Московский государственный лингвистический университет

Таунзэнд К. И., кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и практики перевода английского языка

E-mail: townsendX@yandex.ru

Тел.: 8-903-779-58-26

Moscow State Linguistic University

Taunzend K. I., Candidate of Philology, Associate Professor of the Translation Studies and Translation and Interpreting (the English Language) Department

E-mail: townsendX@yandex.ru

Tel.: 8-903-779-58-26